

«Взять в жены?.. Да пошел ты к черту со своей женитьбой! Я мужчина, Бу Фэнчэнь, ты ослеп или умом тронулся?!»

Я не сдержался — да и не собирался сдерживаться. Резко вскинул ногу, целясь подошвой прямо в это холеное лицо, но совсем позабыл, что все еще нахожусь под действием порошка размягчения костей. Вместо сокрушительного удара, который я уже нарисовал в своем воображении, получилось лишь слабое, вялое движение. Бу Фэнчэнь без малейшего труда перехватил мою лодыжку.

— Не глупи. Потревожишь раны — самому же будет больно, — Бу Фэнчэнь уложил мою ногу обратно на постель и прижал ладонь к груди с таким бесконечно сострадательным видом, будто прямо сейчас готовился проповедовать на площади. Настоящий, чистой воды шарлатан.
— Да и мое сердце сожмется от жалости.

Закончив возиться со снадобьем, он натянул на меня одеяло, повернулся к тазу и принялся споласкивать руки, продолжая как ни в чем не бывало:

— Понимаю твои обиду, гнев и печаль. Но то, что я, Бу Фэнчэнь, совершил и произнес... Считай, что это вода. Единожды пролиту, ее уже не собрать.

С этими словами он подошел к окну и единым махом выплеснул содержимое таза наружу. Снизу тут же донеслись отборные ругательства.

— Какая сволочь там воду льет?! Твою мать! — донесся снизу яростный вопль. Голос показался мне странно знакомым.

Бу Фэнчэнь невозмутимо затворил ставни, вытер руки полотенцем и, налив у стола чашу чистой воды, вернулся к постели.

— Чоу Тяньгэ, не сомневайся. Я в ответе за то, что случилось, и буду оберегать тебя.

— Лицемер паршивый. Своих корыстных целей ищешь, — процедил я сквозь зубы.

Он присел на край, осторожно приподнял меня за плечи, прижимая к себе, и поднес чашу к моим губам. Внимания и мягкости ему было не занимать. Я жадно пил, пока он продолжал:

— Будь у меня корыстный умысел, что бы я мог от тебя получить?

Слова прозвучали мягко, но суть их сводилась к одному: с меня и взять-то нечего. Вот только этот мерзавец уже сотворил со мной *это*. Он что, всерьез думает, будто я сам умолял его о близости?

— Обиделся? — Бу Фэнчэнь негромко рассмеялся. Опустив опустевшую чашу, он поправил за моей спиной подушки, уложил меня поудобнее и взял мою руку.

Одним слитным, точным движением он надавил на акупунктурную точку на моем предплечье и провел пальцами вниз, к ладони. Из-под моих ногтей брызнула тонкая струйка мутной жидкости — остатки того самого порошка размягчения костей, который мучил меня всю ночь.

Яд вышел, но слабость никуда не делась. Я продолжал полулежать, прислонившись спиной к изголовью, лишенный всякого желания шевелиться. Но намек Бу Фэнчэня засел у меня в голове: он ведь только что открыто признал, что близость со мной не входила в его планы!

— Понимаю, лечь со мной в постель ты не собирался, — язвительно бросил я. — Куда уж мне: лицом не вышел, характер паршивый, боевыми искусствами толком не владею, да еще и калека. А ты у нас писанный красавец, мастер превеликий. Где тебе снизойти до такого ничтожества. Прости уж, что по чистой случайности позволил тебе себя поиметь, моя вина.

В этих словах яд мешался с обидой, бушевавшей в груди. Она была самой настоящей.

Сколько я себя помнил, это я, Чоу Тяньгэ, воротил нос от других. С каких это пор всякий сброд смеет пренебрегать мной?

В свое время я без колебаний шагнул в бездну с утеса ради сохранения гордости. И ради чего? Чтобы теперь какой-то проходимец держал мою честь в кулаке и топтал ее, как ему вздумается? Слишком дорогая цена за выживание.

Бу Фэнчэнь лишь покаянно опустил голову. На его губах промелькнула горькая усмешка. Он тихо выдохнул:

— В этом лишь моя вина.

— А то чья же еще, — зло огрызнулся я, не в силах сдерживать клокочущее раздражение.

— Да, ты прав. Мой грех, — он слабо улыбнулся, но тут же посерьезнел. — Отныне я стану преданно оберегать тебя.

Опять. Снова этот невыносимо честный, преданный взгляд.

«"Оберегать"... Интересно только, в чем выразится эта его забота. Ну да ладно. Раз уж ты так рвешься взять надо мной опеку, будь уверен — я выжму из твоей щедрости всё до последней капли»

— Кто это был? — я убавил яду в голосе, стараясь казаться беззащитным, уязвимым

пострадавшим. Секрет сосуществования двух душ в одной телесной оболочке не давал мне покоя. Я уже давно догадался, что в Бу Фэнчэне живут двое, но мне требовалось подтверждение из его собственных уст.

— Другой я, — на удивление легко, без тени сомнений выдал он эту тайну. — Он — это я, а я — это он. Оба мы зовемся Бу Фэнчэнем, и наше слияние — глубочайшая тайна Священных Врат.

— Запрет Священных Врат? — в моей памяти мгновенно всплыли слова того, второго Бу Фэнчэня, Ложной добродетели. Разум без труда связал ту недомолвку с нынешним откровением «благодетеля».

Бу Фэнчэнь одарил меня одобрительным взглядом и мягко улыбнулся:

— А ты проницателен. Но раз уж понимаешь, что это запретное знание, готов ли ты слушать дальше?

Конечно, готов. С какой стати мне отказываться? Я к Священным Вратам никакого отношения не имею, да и этот святоша теперь у меня в неоплатном долгу.

— Что ж, тогда я поведаю тебе о тайне Священных Врат, — Бу Фэнчэнь посерьезнел. — Всем послушникам и старейшинам известно лишь то, что в недрах Священной горы заточен древний демон, способный стереть наши Врата с лица земли. — Он бросил на меня быстрый взгляд. — Но этот демон — я сам. Точнее, порочное и алчное мое воплощение, явившееся в этот мир в один миг со мной. Обычно мне удается держать его в узде, но из-за недавней случайности темная сторона вырвалась на свободу. Именно он терзал тебя последние два дня.

— И кроме меня об этом никто не знает, — невозмутимо добавил он.

В душе шевельнулось недоброе предчувствие. Смерив его подозрительным взглядом, я спросил:

— Но мне-то ты зачем это рассказываешь?

— Хочу, чтобы ты сохранил эту тайну, — кротко отозвался он.

— Надежно хранят секреты только мертвецы, не находишь? — я криво усмехнулся. Праведный облик этого человека вовсе не означал, что его руки чисты от чужой крови.

Заподозри он меня в предательстве, он бы глазом не моргнул, избавляясь от свидетеля во имя спокойствия Священных Врат. Черт меня дернул расспрашивать его! Теперь я повязан этим признанием по рукам и ногам, а значит, обещание «заботиться» обо мне до конца дней превращается в пожизненный арест под его надзором.

Оказаться в кабале у столь могущественного безумца — участь куда более незавидная, чем даже то насилие, что я претерпел.

— Я не причиню тебе вреда, — Бу Фэнчэнь печально улыбнулся, словно прочитав мои мысли.

«Конечно, не убьешь. Зачем лишать себя игрушки, если можно просто привязать к себе навечно?»

— Раз это сокровенное знание, неужели даже глава Священных Врат пребывает в неведении?
— спросил я, лелея слабую надежду найти управу на этого праведника.

Бу Фэнчэнь ослепительно улыбнулся:

— Я и есть глава Священных Врат.

Излишняя откровенность порой страшнее любого обмана. Бу Фэнчэнь выложил мне всё начистоту лишь потому, что твердо вознамерился сделать меня своим... спутником жизни. И как мне теперь спастись от этой удушающей близости?

<http://bllate.org/book/18233/1765200>